

Что сказал Маэстро в ответ на бунт оркестра

Пятнадцатого декабря в Большом театре состоится премьера оперы Н.Римского-Корсакова "Псковитянка". Музыкальным руководителем постановки, что привлекает к ней повышенное внимание, является Евгений Светланов.

Светлановских премьер всегда ждали с нетерпением и интересом, но данный случай особый: есть скандальный привкус. Маэстро давно мечтал поставить эту оперу, о чем говорил неоднократно, и наконец получил такую возможность, но в нелегкие для него времена. Как известно, конфликт Евгения Федоровича с возглавляемым им Госоркестром до сих пор не погашен. В случае успеха "Псковитянки" Светланов, вероятно, сможет рассчитывать на благосклонное внимание властей к своей персоне. Может быть, пережив выборы, они скажут наконец свое веское слово и по поводу Госоркестра.

Возможно, впрочем, что все эти рассуждения и лишены реальных оснований. Но есть, по крайней мере, один человек, который рассуждает именно так. Это Александр Румянцев, противостоящий Светланову директор Госоркестра. Восстановить ход его мыслей позволяет то обстоятельство, что за неделю до премьеры, а именно сегодня, он провел пресс-конференцию, естественно, все той же "антисветлановской" направленности. Общественности и властям, таким образом, дали понять, что Госоркестр никакие творческие победы Светланова в расчет принимать не будет и другим так поступать не советует. Помимо всего прочего, это еще очень похоже и на попытку деморализовать Светланова. Пассажи о запрещенных приемах опускаем. Просто выражаем свое недоумение первому оркестру страны. Евгений Светланов, большой музыкант, дирижер с мировым именем, работает с Госоркестром уже 30 лет. Неужели — как бы ни были сейчас накалены отношения — он заслужил, чтобы его коллектив давал ему решительный бой накануне столь долго ожидаемой им премьеры?

Подробно рассказать о том, как проходила сегодняшняя пресс-конференция, мы по вполне понятным причинам в этом номере не успеваем. Но кое-какие детали удалось узнать накануне. Что же касается претензий к Светланову, они вообще известны уже давно. А именно: в настоящее время оркестр крайне мало востребован; отменены все гастроли, в том числе сорвался ангажемент в Европе, а из запланированных с октября по декабрь выступлений не состоялись тридцать шесть; скудеет и состав музыкантов — на сегодняшний момент в оркестре восемнадцать (!) вакантных мест, на которые не проводится конкурс. Руководство ГАСО РФ в лице Совета трудового коллектива и директора, ведя бесконечные переговоры с представителями власти, до сих пор не добилось желаемого результата и теперь, активизировав прессу, рассчитывает поставить точку в конфликте. В октябре коллектив дошел до самого "верха", направив письмо премьер-министру В.Путину, а 3 декабря — очередную петицию в Министерство культуры с "категорическим предложением" начать переговоры о заключении коллективного трудового соглашения. Непонятно, чего добьются стоящие "по ту сторону Светланова", обнародовав ранее неопубликованные материалы переписки Правительства РФ, Министерства культуры РФ, Светланова, представителей ГАСО, а также видеоматериалы, поскольку львиная доля этого "эксклюзива" уже стала достоянием общественности (помимо всего прочего, представители руководства оркестра донесли свою позицию до зарубежных СМИ и творческих коллективов интерактивным способом). Следующая мера будет самой радикальной: Госоркестр намерен прибегнуть к помощи суда. За этим на пресс-конференцию были приглашены представители Внешюрколлегии.

Анна ВЕТХОВА, Наталья ШАДРИНА

Мы обратились с просьбой дать нам интервью к Евгению Светланову и Александру Румянцеву. Последний нам отказал, сообщив, что это ему невыгодно. Эксклюзивное интервью нашей газете маэстро Евгения СВЕТЛАНОВА печатаем в этом номере.

— Евгений Федорович, два года назад мы с вами беседовали по случаю юбилея Госоркестра, и разговор, как всегда, зашел и о "Псковитянке". Вы тогда сказали, что этой постановкой хотели бы завершить свою карьеру в Большом театре. Возможно, теперь ситуация изменилась, и следует говорить о начале нового этапа вашего сотрудничества с Большим театром? Есть ли у вас какие-либо мысли на этот счет? Что же касается самой "Псковитянки" — вы продирижируете только премьерными спектаклями или намерены вести ее и впоследствии?

— Пока никаких разговоров о дальнейшем сотрудничестве у меня с дирекцией не было. Да и планы театра на обозримое будущее утверждены. Я с удовольствием продирижировал бы одним уже идущим спектаклем, немножко подচিতив его, — "Гликовой дамой", с которой в театре мне повстречаться не довелось, только в кино. А "Псковитянку" намерен дирижировать "до упора", хотя у меня есть прекрасный помощник — второй дирижер Алексей Степанов, который вот уже одиннадцать лет ведет поставленного мной "Золотого петушка".

(Окончание на 8-й стр.)

Что сказал Маэстро в ответ на бунт оркестра

Кудьмугра. — 1999. — 9-15 дек. — с. 1, 8

(Начало на 1-й стр.).

— Чем вы предполагаете заниматься после "Псковитянки"?

— У меня есть чрезвычайно интересный музыкальный материал. Один из почитателей творчества Вагнера, композитор, создал две огромные фантазии — на темы "Кольца нибелунгов" и "Парсифаля". Отобрано самое красочное, яркое, значительное, профессионально обработано, то есть сделано все великолепно. Мне довелось услышать эти произведения в Германии, и чуть ли не сразу же после концерта я принял решение разыскать ноты. И вот наконец добился — партитуры у меня. Разумеется, я мечтаю их исполнить.

— В Гааге с "Резиденц-оркестром" или в России?

— И в Гааге, и, конечно, в России. Разве я могу без России? Куда от нее денешься? Если б я хотел, давно бы уже делся.

Могу назвать точную дату одного своего московского очень важного для меня концерта. 22 апреля будущего года в Большом зале консерватории должно состояться первое в России исполнение монументальной, весьма протяженной — два часа сорок пять минут чистой музыки — оратории Франца Листа "Христос". Работа уже началась. Участвуют хор Попова, четыре солиста — моя гвардия, так сказать.

— А какой оркестр?

— Московский оркестр. Я со стороны, из другого города оркестр приглашать не буду.

— Уже известно, что это за коллектив?

— Пока нет. Пока это тайна мадридского двора. Но, думаю, к Рождеству или даже к Новому году все прояснится.

— Простите, не хотите ли вы сказать, что это будет ваш оркестр, то есть Госоркестр?

— Не исключено. Мой бывший оркестр.

— Почему же в таком случае "бывший"?

— Потому что если я в него приду, то он уже, конечно, будет не совсем таким, каким был. Он будет называться так же — Государственный академический симфонический оркестр Российской Федерации под управлением Евгения Светланова. Но что под этим названием будет скрываться, сейчас сказать очень трудно. Я только надеюсь на то, что погубить такой коллектив не дано никому.

— Оркестр, по-вашему мнению, — это название или люди?

— Люди, конечно же, люди. Погубить такой коллектив, с такими традициями — это граничит... Да не граничит — это и есть государственное преступление. Ну кто пойдет на это? Министерство культуры? Не думаю. Наше правительство? Нет. Это я уже твердо знаю. Позиция Министерства культуры, впрочем, достойна, на мой взгляд, всяческого удивления. Первое свое письмо, где полностью было отражено все, что происходит в коллективе, я направил министру в апреле. И меры можно было принять еще тогда. И все было обсуждено и намечено — как говорится, ударили по рукам. Но стоило мне уехать в отпуск, как все повернулось на 180 градусов.

— Предложенные вами меры неоднократно пересказывались и комментировались в печати, но подавалось все это с чужих слов. Не хотите ли наконец высказаться лично?

— В двух словах не расскажешь. Надо просто взять в руки документ и прочитать. Он направлен в Министерство культуры и в правительство. И в правительстве к нему отнеслись в высшей степени положительно.

— Вы имеете в виду Валентину Ивановну Матвиенко?

— Да. Но с ней, к сожалению, случилось несчастье. Из-за этого все пока немножко тормозится. Мы с ней встречались, и она мне сказала, что полностью одобряет все мои предложения. Которые, повторю, одобряли в конце мая и в министерстве. Я потому и уехал совершенно спокойно в отпуск, что Владимир Константинович Егоров пожелал мне хорошего отдыха и т.д., и т.п. И вдруг среди ясного скандинавского неба грянул гром — в виде его объемистого письма, которое перечеркивало все наши договоренности.

— Вы познакомили со своей программой оркестр прежде, чем предложили ее вниманию министра, узнали, как ее восприняли музыканты?

— Я не стал бы употреблять собирательное слово "оркестр". Нельзя всех стричь под одну гребенку. В коллективе бытуют разные мнения, подчас взаимоисключающие. Там просто сейчас захватила власть, скажем так, не самая лучшая часть. Насколько я знаю, своего рода контрольная программа, которую выдвинула эта группа, назвавшая себя Советом трудового коллектива, не только не была поддержана большинством, но и вызвала негативную реакцию. Де-

ло даже дошло до того, что председатель этого самого совета прилюдно разорвал составленный советом документ, пообещав, что коллектив еще об этом пожалеет. Что касается моей программы, то ее назвали фальшивкой. Дескать, это не рука Светланова, это все подделка, все неправда, и не надо верить людям, которые выступают от его имени.

— Как возникла идея пригласить на пост творческого директора Константина Орбеляна?

— Это была моя идея. Убежден, абсолютно правильная. Константин Орбелян — хороший музыкант, превосходный организатор и главное — человек со связями, что для нас очень важно. Мы искали спонсоров сами, просили, чтобы нам помогли в наших поисках, но никакой помощи так до сих пор и не дождался.

— Хорошо известно, что в бытность Александра Лазарева главным дирижером Большого театра ваши с ним отношения складывались не самым лучшим образом. И вдруг он начинает фигурировать в предложенном вами списке кандидатов в дирижеры Госоркестра...

— Дело в том, что, как бы ни складывались мои личные отношения с человеком, это нисколько не мешает мне отдавать ему

кестром и имеет в виду Румянцев, утверждая, что вы постоянно что-то срываете — в первую очередь, конечно, зарубежные гастроли?

— Стараясь скрыть собственную беспомощность, бросает тень на меня. Казалось бы, кому, как ни директору, и организовывать гастроли? Ну хорошо, на Западе не получается, так уж по стране хотя бы. Когда мы его принимали на работу, он как раз говорил, что имеет большие связи в городах России, в странах СНГ — правда, хоть он и пришел к нам из администрации плетневского оркестра, — связи в основном с эстрадными певцами, но тем не менее его знают в филармониях, и так далее. Но, кроме Смоленска, выезд в который опять-таки организовал не он, так никто куда и не выехал.

Я лично не срывал ничего. Наоборот, мы с моей женой сделали все возможное, чтобы у оркестра были какие-то гастроли. В частности, этим летом должна была быть поездка во Францию, осенью — во Францию и Швейцарию. Конечно, фирма преподнесла горькую пилюлю, отказавшись оплатить дорогу. Тогда мы, естественно, обратились к Румянцеву, но он сказал: у меня денег нет... Приведу еще такой пример. Госоркестр получил приглашение выступить в

— Объем моей работы с Госоркестром в последние годы не изменился. Я обратился в Международный союз музыкальных деятелей с просьбой составить график моих репетиций и выступлений. И когда этот документ был подготовлен, там просто не поверили своим глазам, настолько он противоречил всем тем обвинениям, которые я получаю в свой адрес. Там все четко расписано — сколько дней я работал, чем занимался, сколько было концертов. Не надо забывать и о записях — это тоже большая работа. И вот если все соединить — и записи, и гастроли, и концерты, — картина получается довольно внушительная. Эти материалы также переданы и в правительство, и в министерство.

— Не могли бы вы рассказать о своей работе за границей? Сколько времени предписывают вам проводить с оркестрами ваши зарубежные контракты?

— Мое общение с гаагским оркестром ограничивается сейчас пятью неделями — раньше было десять, восемь, я постепенно сокращаю сроки. В следующем сезоне будет четыре. В работе на Западе есть одно преимущество: подготовленная программа исполняется за неделю минимум трижды и даже в одном и том же зале. Либо мы вывозим ее в близлежащие горо-

да не объясняет. Мне вообще там дают карт-бланш: появляюсь, когда хочу и на сколько хочу.

— Евгений Федорович, вы надеетесь на то, что "Псковитянка" поможет разрешить конфликт с Госоркестром в вашу пользу? Вообще у вас нет ощущения, что вы все поставили на эту карту?

— Такого ощущения нет. А надежда, о которой вы говорите, есть, конечно. Но "Псковитянку" я ставил по велению сердца, а не по расчету разума. И что значит "в мою пользу"? Я в конце концов уже достиг пенсионного возраста и вообще могу ничего не делать. Я не хочу, чтобы погиб оркестр, который дирижировали Гаук, Рахлин, о котором говорили самые высокие слова выдающиеся зарубежные дирижеры, наконец, оркестр, который сделал Светланова тем музыкантом, каким он сейчас является. Этот оркестр — со Светлановым ли, без него ли — должен продолжать жить. Не дать ему погибнуть — вот моя задача.

— Как вы нашли труппу, оркестр Большого театра, вы довольны результатами проделанной работы?

— Ну о результатах мы все будем судить после премьеры. Процессом доволен. На мой взгляд, Большой театр располагает сейчас пре-

рой я проработал. Я учился на пятом курсе консерватории и стажировался в Большом театре. Как у всякого дирижера-стажера, у меня должен был быть пробный спектакль, от которого зависела моя дальнейшая судьба в театре. "Боевое крещение" состоялось в мае 55-го года, и с тех пор я навсегда полюбил эту оперу.

Нацелившись на "Псковитянку", я, наверное, год потом мурзил комиссию во главе с нашим замечательным Александром Шамилевичем Мелик-Пашаевым, говорил, что все еще не готов. Перестраховывался. На самом деле готов был давным-давно, даже до своего прихода в Большой театр. Я ведь не пропускал ни одного представления этой оперы. Медлил я не из боязни, просто казалось, что это слишком ответственно — прикоснуться к такому шедевру.

— Шедевру, довольно редко появляющемуся на сцене...

— К сожалению, да. По моему глубокому убеждению, это произведение — одна из вершин русской оперной литературы. Оно интересно уже тем, что в основе лежит подлинная история. Но как эта история преподнесена, какие найдены художественные средства! Великолепно выстроена драматургия, выпукло поданы характеры. Творчество Льва Мея, опять-таки

Фото Н. ИЛИНОВОЙ

должное как специалисту. А как специалист, как художник Лазарев всегда вызывал у меня большое уважение. Я, например, считая творческим подвигом то, что за время своего пребывания на посту главного дирижера он осуществил девять постановок русских опер, которые давным-давно не шли на нашей сцене. Да и вообще ведь немного у нас таких хороших дирижеров. К сожалению, у Александра Николаевича все расплано на этот сезон, но в принципе от сотрудничества с Госоркестром он не отказался. Хотел я привлечь и Василия Синайского, и западных музыкантов. Такого рода связи у меня, слава Богу, есть.

— Но ведь Лазарев и Синайский, кажется, утверждают, что никаких переговоров с ними не велось?

— С Лазаревым я разговаривал лично по телефону. А к Синайскому обратился по моей просьбе — я сам тогда отсутствовал — Нина Александровна Светланова, моя жена. И Синайский сказал, что с удовольствием придет в этот оркестр. Чем объяснить, что они оба потом отказались от своих слов, не знаю. Возможно, всему причиной скандальность создавшейся ситуации. Люди просто не хотят маршальства. Могу сослаться на Валерию Гергиеву, с которым недавно разговаривал по телефону. Он должен был дирижировать Госоркестром 25 декабря. Так вот он сказал, что слишком ценит Светланова, чтобы встать сейчас за пульт этого оркестра.

— Возможно, подобные отказы от сотрудничества с Госор-

Голливуде. Скрепя сердце — надо было подготовить четыре программы и, скорее всего, далеко не самого серьезного характера — я согласился. Предложение исходило от Columbia Artists, с которой мы работаем уже очень давно. Казалось бы, неоткуда было ждать подвоха, но вдруг почему-то все лопнуло, и вместо нас поехал плетневский оркестр, причем не с Плетневым, а с двумя приглашенными дирижерами. Как это объяснить?

— Евгений Федорович, но ведь никто не принуждал вас брать на работу Александра Румянцева!

— Знать бы, где соломки подстелить... Румянцева рекомендовал наш актив, так же, как и предыдущего директора — Георгия Агеева, с которым нам очень повезло. Он — профессиональный, образованный, интеллигентный человек. Очень жалею, что он ушел от нас. С нынешним директором вышло иначе. Что говорило в его пользу? То, что он работал в оркестре Плетнева, то есть, по моему разумению, уже понюхал пороку, его молодость и видимое желание работать. Пожалуй, все. По профессии он физкультурник-массажист, но не буду кривить душой — он честно сказал мне в первую же нашу встречу: я не музыкант. Что ж, подумал я, администратору и необязательно быть музыкантом.

— Одна из основных его претензий к вам то, что вы почти не занимаетесь не просто оркестром, но и с оркестром, большую часть своего времени предпочитая проводить за границей...

да. Таким образом, кпд работы там очень велик. У нас, как вы знаете, давать одну и ту же программу несколько раз подряд не принято. В Питере, впрочем, программы идут по два раза, но мы рискуем боимся — а вдруг публики на два дня не хватит. Увы, таков наш московский менталитет.

Но вернемся на Запад. Двадцать два года я работаю с оркестром Шведского радио — замечательным оркестром. Раз в сезон появляюсь в Англии и Японии. Последний мой концерт в Лондоне был с оркестром Би-би-си. Получил огромное удовольствие от работы, и музыканты, по-моему, тоже остались очень довольны. Когда-то я работал там с Лондонским филармоническим оркестром, Лондонским симфоническим оркестром и оркестром Philharmonia, с которым сотрудничаю и сейчас. Видимо, раз завязался такой контакт, продолжу сотрудничество и с оркестром Би-би-си. В Японии у меня контракт с оркестром NHK — радио и телевидения. Я приезжаю туда на три недели и работаю над тремя программами, каждая из которых идет раз пять. Над всеми этими оркестрами я не шефствую и вообще отказываюсь от всяких предложений так или иначе закрепить свой статус. Не хочу именоваться ни "гостем", ни кем другим — слишком много на меня в последнее время навешали собак за мою работу за рубежом, как будто я единственный российский дирижер, там работающий. У оркестра Шведского радио я был шефом, теперь они хотят сделать меня почетным дирижером. Это совершенно ни к чему

восходными ресурсами. Едва приступив к работе, на первых же уроках, репетициях я испытал радостное творческое волнение, почувствовал колоссальную отдачу и солистов, и хора. Оркестр — в блистательной форме. Не люблю много говорить на репетициях — как я писал в своей книге, для меня идеальный дирижер "немой, но не глухой", — и мне не приходится говорить. Реакция мгновенная на руку, даже не на руку — на импульс. Может быть, это мои субъективные ощущения, то есть хочу сказать: может быть, в моих руках это так. Но не думаю. Так не бывает, чтобы только в одних руках — хорошо, а во всех других — плохо. Сравнивать же не могу: на спектаклях Большого театра, к сожалению, не был давно. После премьеры надеюсь наверстать упущенное. И начну с "Опричника": очень люблю эту оперу, считаю ее самой русской у Чайковского.

— Очевидно, пребывая в слабах руках, оркестру трудно было бы поддерживать надлежащую форму. Стало быть, у Марка Эрмлера крепкие руки?

— Конечно. Очень рад своей встрече с ним. Мы, можно сказать, жизнь прожили здесь. Не могу представить Большой театр без Эрмлера. И то, что он стал главным дирижером, закономерно. Уж кто-кто, а этот человек здесь был всегда — ну, скажем, почти всегда, чтобы не упрекнули в неосведомленности, — все знал и все умел.

— Евгений Федорович, почему именно "Псковитянка" так завладела вашим воображением?

— Это была первая опера, кото-

совершенно напрасно, на мой взгляд, забытого нами поэта, захватило Римского-Корсакова и стало источником для его собственного творческого вдохновения. "Псковитянка" создавалась там же и тогда же, где и когда создавался "Борис Годунов", — можно сказать, два гения делили один роуль между собою — и внутренняя связь этих двух шедевров совершенно очевидна. В то же время от "Псковитянки" перекинута арка к позднему шедевру Римского-Корсакова — "Китежу", тоже любимейшей моей опере, которую я также ставил в Большом театре — в 83-м году.

Кстати, мое мнение о "Псковитянке" совпадает с мнением Сергея Павловича Дягилева. Ведь он вывез за границу — что называется, в одной упряжке — "Бориса Годунова", "Хованщину" и ее. И эти три оперы объединил, осенил своим гением Федор Иванович Шалаяпин. С тех пор, правда, на Западе "Псковитянку" вспоминали редко. Честь и хвала Валерию Гергиеву — недавно он вывозил ее за рубеж и тем отчасти восполнил пробел.

По его любезному приглашению я дважды дирижировал этим спектаклем в Мариинском театре, за что очень ему благодарен. Но, разумеется, мне всегда хотелось поставить любимую оперу самому, своими руками. И потому сейчас, получив такую возможность, я пребываю в совершеннейшей эйфории.

Беседу вела
Наталья ШАДРИНА